
Т. П. Лукьянова

О НЕКОТОРЫХ СТАРИННЫХ ОБРЯДАХ НА БРЯНЩИНЕ

(ИЗ ДНЕВНИКА ФОЛЬКЛОРИСТА)

Полевые исследования показали, что ряд старинных обычаев и обрядов бытует на Брянщине и сегодня, хотя и в переосмысленном виде. Так, в Клинцовском районе на святки молодые девушки и парни, а иногда и «смельчаки» старшего возраста рядятся попами, гадалками и даже покойниками. Человеку, изображающему покойника, лицо осыпают мукой (если это женщина, то ее голову повязывают платком, иногда украшают венком, а на руки надевают ботинки). Сохранился обычай причитать по ряженому покойнику.

Встречая весну, пекут пироги или так называемые «сороки»¹. «Сороки» сушат и прячут в надежном месте до первой травы. Когда скот впервые выгоняют на луг, его подкармливают «чудотворными сороками».

В районах, граничащих с Белоруссией и Украиной, сохранился обряд «вождения стрелы» или «вугицы» — своеобразная форма весеннего хоровода: молодые девушки, взявшись за руки, образуют линию, подобную стреле. Хоровод плавно движется через всю деревню с песней:

Летела стрела да удоль села
Ой ля-ле-ла да коли, города².
Убила стрела бела лебеда,
Бела лебеда — добра молодца,
По том молодцу некому плакать,
Некому плакать да слезы ронить,
Ни слезиночки ни росиночки.

Дай прилетело да три голубочки:
Первая села у головочки,
Другая села против сердинька,
Третья села в его ножечках.
Шо в головочке — то мать его,
Против сердинька — то сестра его,
А шо в ножечках — то жена его.

В северных районах Брянской области еще помнят обряд «захоронения кукушки», который проводится в один из дней семиковой недели. Из тканых лоскутьев и веток березы делают две куклы «кокуна и кукушку». Молодые люди берут этих кукол с собой, на лесной поляне водят хороводы и «кумятся», т. е. договариваются о верности, вечной дружбе и согласии. «Кокуна с кукушкой» зарывают в землю, как нечто священное.

Но, пожалуй, среди всех обрядов и песен, которые я наблюдала, самое большое впечатление производят обряд «вождения коняги» и «Махоня», песня-картинка, исполняемая на святки.

Обряд «вождение коняги» относится ко второму или третьему дню святков. Изготавливается чучело коняги: к раме, длиной 1,5—2 м прикрепляется 3—4 лозины, согнутые дугой, а сверху на нее накидывается дерюга. К раме прикрепляются голова и шея лошади из соломы, обшитые белым полотном, на котором нарисованы глаза, рот, уши. С противоположного конца к раме приделывается хвост из пакли. К голове прилаживается грива, к которой прикрепляют уздечку с бубенцами. Две

¹ Т. е. сорок испеченных из теста шариков.

² Этот припев повторяется после каждой строки.

или три крепкие женщины одного роста становятся под дерюгу. Они несут раму. На «конягу» сажают «седока» — чучело мальчика. «Ведет конягу» за поводок мужичок, одетый в латаные штаны, выгоревшую рубаху, лапти, вывернутую шапку. В процессии участвуют ряженые: две «цыганки» с картами, зеркалом, «бабка-знахарка», «ветеринар» с сумкой «лекарств» через плечо и «милиционер». Все жители села сопровождают ряженых. С шумом, смехом, песнями, плясками движется это праздничное шествие с одного конца деревни на другой. Временами «коняга» «заболевает» — ложится на землю, и вся толпа начинает бегать вокруг, кряхтеть («огорчаться») по поводу «несчастья». Ветеринар, бабка-знахарка срочно берутся за работу: подносят по чарочке женщинам, которые находятся под дерюгой. Это «лечение» оказывается весьма действенным: коняга подпрыгивает, начинает брыкаться, задевая то одного, то другого. Весело всем. Вот одна из песен, которая исполняется сопровождающими «конягу»:

Ох, вы, кумушки, голубушки мои,
Ох, лели да лелюшки мои!³
Какому вы богу молились?
А каким вы угодничкам кланялись?
А как у вас то мужья молодые,
А в mine, молодой, старичище,
Не пускает молодую да на игрище,
А я молода, уходила,
А за пазухой наряд уносила.
Я шалковый платочек у карманчике,
Золотой чепчик у рукавчике,
Подзатыльник за подушку.
А у соседа под сараем наряжалася,
Вместо зеркала в мазницу выглядалася.
Петухи пропоют — я гуляю,
А как третьи пропоют — я к двору иду.
Подхожу молода ко дворочку,
Как стукну молода в вороточки.
Как забрешут со двора собачищи,
Выходит открывать старичище.

«Хождение с конягой» в настоящее время имеет лишь игровое значение. «Рядимся и ведем для забавы», — говорят односельчане.

Мне посчастливилось видеть игру в «конягу» на открытой сцене Брянского городского парка культуры и отдыха в исполнении фольклорного коллектива с. Княгинино Севского района. Подробности обряда и его географию в этом районе удалось выяснить у большого энтузиаста, собирательницы старинных народных песен — Ольги Андреевны Славяниной, преподавательницы русского языка и литературы.

Песня-картинка «Махоня» — своеобразная игра, приуроченная к святкам. «Сооружается» русская печь, на которую укладывается Махоня — молодая упитанная девушка. Всем своим видом она должна олицетворять «лень-матушку». Вокруг печи водят хоровод, припевая «Ой, Махоня, Махоня моя, дорогая приветливая, а у Махонюшки брюшко болит, живот-сердце на месте не стоит». У печи хозяйничает женщина — мать Махони. Разыгрывается сценка — разговор матери Махони с одной из участниц хоровода:

— Здорово, кума!
— Здравенько!
— Что твоя Махоня делает?
— Да учится, и т. д.

³ Припев повторяется после каждой строки.

Этот диалог сопровождается припевом: «Ой, Махоня, Махоня моя, дорогая приветливая...»

Чем же «занята» Махоня, когда ее на работу зовут?

Она учится, уезжает на речку, приезжает с речки — полезла на печку. На речке она простудилась, заболела. Ее лечат: ведут париться в баню — не помогло. Поехали за попом, а поп сказал: «Если не ведьма, то жить будет, а если ведьма, то час тяжкий!»

После этих слов Махоня оживает: она вскакивает с печи и бежит за попом со словами:

«Вот, черт кудлатый!
Ты меня хоронил,
В яму закопал,
Я тебе дам!»

Сценка заканчивается словами одной из участниц игры: «А поп крутился-крутился да и засел под стол: схоронился».

Эти брянские записи интересно сопоставить с известными аналогичными этнографическими материалами.

Так, например, весенние обряды «захоронение кукушки», «вождение коняги» детально описаны в работах Е. Н. Елеонской, Р. Е. Кедриной, В. Н. Харузиной⁴. Материалы были, в основном, собраны в юго-западной части России (Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской областях). Эти обряды, как правило относятся к русальской или семиковой неделе и связаны с почитанием молодой зелени. «Путь» к околице (к ржаному полю) был своего рода ритуальным шествием, открывавшим обряд. Процессия обычно двигалась в поле по направлению движения солнца — с востока на запад. Несмотря на пародийный характер обряда, исполнялись сдержанные по темпу песни. «Кукушку» хоронили, «Коняга» притворялся умершим, но никто не относился серьезно к их смерти. «Здесь скакание вокруг коня, пляску можно рассматривать как магический прием, существующий в ряде местностей и долженствующий способствовать росту хлебов»⁵.

По мнению исследователей «вождение коня» под уздцы «имеет в пережиточной форме характер ритуального шествия», плеть, вероятно, олицетворяла силы, способные повлиять на рост хлебов.

Песня-картинка «Махоня» в разных вариантах распространена весьма широко⁶. В сборнике «Игры народов СССР» даны девять вариантов «Костромы» — игры, из которых один почти точно воспроизводит описанную в данной статье сценку — только главная героиня здесь получает другое имя.

Переосмысление обряда типично для нашего времени. Исконный смысл народом забыт, его можно восстановить посредством сопоставлений. Большое значение имеет анализ локальных отличий общерусских обрядов. Актуальной задачей является их собирание и детально картографирование.

⁴ А. Н. Веселовский, Гетеризм, побратимство и кумовство в купальной обрядности, «Журн. Министерства народного просвещения», 1894, кн. 2, февраль; Е. Н. Елеонская, Крещение и похороны кукушки в Тульской губернии, «Этнографическое обозрение», 1912, стр. 146—154; Р. Е. Кедрина, Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством, там же, стр. 101—139; В. Н. Харузина, Крещение и похороны кукушки в Орловской губернии, Там же, стр. 140—145.

⁵ Т. А. Крюкова, «Вождение русалки» в с. Оськине Воронежской области, «Сов. этнография», 1947, № 1.

⁶ «Игры народов СССР». Составитель В. Н. Всеволодский-Гернгросс, М.—Л., 1933; Л. В. Кулаковский, Искусство села Дорожева, «Советский композитор», М., 1959; В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, 1963.